

влияние», по уверению беспристрастного Николаи, было очень велико. Социал-демократическая печать была печатью партийной по преимуществу. Ее влияние на рабочие массы было очень значительно и все время росло. Николаи отдает дань исключительно умелому редактированию социал-демократической печати, например, «Hamburger Volkszeitung», где писал К. Радек. Влияние правительства на социал-демократию в направлении отказа от ее классовых позиций, по мнению Николаи, мало к чему приводило. Военное командование пыталось даже привлечь (в 1918 г.) редакторов «Vorwärts'a» к суду за государственную измену, но правительство уже тогда всецело зависело от принявшего резолюцию мира парламентского большинства, и провести такой громкий политический процесс накануне падения монархии Гогенцоллернов не удалось.

Другой вредной, по мнению Николаи, частью прессы была «жидовско-демократическая печать», в первую очередь «Берлинер Tageblatt» и «Франкфуртер Цейтунг». «Жидовство» этих газет для Николаи несомненно. «Обе эти газеты выказали себя еврейскими газетами по преимуществу (als ausgesprochen jüdische Blätter). Их отношение к войне колебалось (Steig und fall) в зависимости от военного положения, как курсы на бирже» (стр. 182).

Довольно много места посвящает Николаи вопросу о германской пропаганде за границей и пропаганде союзников в Германии. Однако, исчерпать содержание книги Николаи невозможно в небольшой заметке. С этой точки зрения мемуары Николаи значительно дополняют статьи Гордона и Лешанеля.

Г. Гордон исследует «по личным впечатлениям и подлинным документам» вопрос о немецкой пропаганде на русском фронте. В руках г. Гордона имелись немецкие агитационные издания на русском языке для русских солдат: берлинский «Русский Вестник», венская «Неделя» и виленский «Товарищ». Отмечая характерное в содержании немецких агитационных изданий, автор не перестает упоминать о пособничестве немцев «большевистской революции». Тем не менее он не дооценивает работу русских пропаган-

дистов среди немцев, братание и его роль в области подготовки германской революции. Николаи в этом отношении объективнее: он отмечает «испорченность солдат по возвращении с восточного фронта», агитационную (неизменно вредную) роль русского посольства во главе с тов. Иоффе в Берлине и т. д. (стр. 163, 158, 40, 130—31).

Статья Франсуа Лешанеля о «пропаганде лорда Нортклифа во время войны» чрезвычайно интересна и следует одобрить помещение ее перевода в «Вестнике Нар. Ком. Ин. Дел». На основании книги сэра Кемабель Стюарта, ближайшего помощника Нортклифа (по Crewe house'у (помещение отдела пропаганды), Лешанелю удастся нарисовать весьма красочную картину пропаганды английского газетного короля, ставшего в начале 1918 года во главе отдела пропаганды. Сам Гинденбург назвал эту пропаганду «ядом, который заразил не только дух армии, но дух всей Германии» (стр. 38). Недаром литературная пропаганда в Германии была поручена Нортклифом Уэлсу. «Пропаганда имела целью не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ, но также ознакомит их с военным положением союзников, с превосходством их военных запасов, с снабжением живой силой и материалом, с их научными открытиями и т. д.» (стр. 40).

И. Звавич.

Dr. PAUL MICHAELIS. Kurland und Litauen in deutscher Hand.

Д-р П. МИХАЕЛИС. Курляндия и Литва в руках немцев. Берлин, 1918. Стр. 198.

Книга написана в момент величайшего торжества немецкого империализма на Востоке. Автор книги был военным корреспондентом «Berliner Tageblatt'a». Этим объясняется содержание всей книги, предназначенной для прославления победоносного немецкого оружия. Кроме того, автор принимал деятельное участие в организации немецкой администрации в завоеванной территории, которая с того момента оказалась тесно связанной и культурно и политически с Германией.

Мечты поклонника немецкого империализма оказались разбитыми суровой действительностью. Немецкий империализм потерпел на всех фронтах полное поражение. Балтийские провинции были освобождены от оккупационных властей. Литва и Латвия, в состав которой вошла Курляндия, заключили мир с Советской Россией на принципе национального самоопределения. Началась новая жизнь

для Литвы и Латвии, но несколько иная, чем предполагал д-р Михаелис. Для истории войны и немецкой оккупации Литвы и Курляндии эти корреспонденции, объединенные в одной книге, конечно, будут не бесполезными, так как написаны тонким наблюдателем происходивших вокруг него событий. Книга издана весьма изящно. Великолепны рисунки в красках.

В. Пичета.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

А. СУВОРИН. Поход Корнилова (воспомин. участника), 2 изд. Ростов н/Д. 1919 г.

Среди исторических источников воспоминания занимают своеобразное место. Это—источник чрезвычайно субъективный, но в то же время он дает возможность проникнуть в самую глубину события, узнать и понять его сокровенные, интимные стороны.

Воспоминания контр-революционеров в этом отношении очень интересны, они дают много такого, о чем еще долго будут молчать официальные документы и акты.

Воспоминания Суворина сейчас, пока корниловщина еще не изучена, имеют первоклассный интерес. Написаны и издачу они были в то время, когда контр-революция была уверена в своих силах. Вокруг имени Корнилова среди контр-революционеров создавался своего рода культ. Суворин был участником корниловского похода, был почти очевидцем его смерти. Суворин знал несравненно больше, чем написал, но и то, о чем он писал, заслуживает глубокого внимания. Чрезвычайно интересны сведения, сообщаемые Сувориным о начале деятельности Корнилова на Дону, об его отношении к коммунистам, о настроении населения Кубани и его отношении к отрядам Корнилова.

«Для разрешения финансово-экономических вопросов, вызывавшихся ходом организации Добр. Армии, образовалось в Новочеркасске «Экономическое Совецание», и с удивлением и болью,—пишет Суворин,—я узнал, что в совещании

этом по финансовой части главную роль играет такое финансовое ничтожество, как М. М. Федоров, по политической—такая темная неизвестность, как С. С. Щетинин, затем там участвуют семидесятилетнее «честное дитя» П. Б. Струве, тригонометр дипломатии кн. Трубецкой, террорист Б. Савинков, мужественно и успешно боровшийся с царями Романовыми, но с царем Лениным вдруг потерявший и былую энергию и «звезду» и т. п.

— У вас М. М. Федоров объявляет себя представителем московско-финансового центра,—сказал я Корнилову,—но в Петрограде-то хорошо известно, что если где является имя М. М. Федорова, то это верный признак, что там крупных денег нет и не будет, пока его не сметят другим.—«Похоже на правду», как-то для себя произнес Корнилов сурово. Он, видимо, был бессилен что-либо изменить во всем этом.—Никакого московского финансового центра нет,—продолжал я...—Во всяком случае не он за спиной Федорова. Тут есть просто банковская делецкая операция: несколько петербургских банков сложились по 20—30 т. каждый и, набрав со всех 300—400 тысяч, послали с ними Федорова разноухать, что делается в Новочеркасске и нельзя ли тут у трюма крупное и выгодное дело, например, захватить под свой контроль государственный банк нового правительства при самом его зарождении... 300—400 т.— вот все, что может быть в руках у Федорова» (стр. 6).

Это сообщение хотя и не дает полного ответа на вопрос, но чрезвычайно ха-